

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-111-121

Д.В. ПанченкоВолгоградский государственный медицинский университет,
400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Некоторые рецептивные модели в условиях визуальности: от изображения к звучащему слову

Аннотация. Идея развития визуальных коммуникаций Интернета иногда создает обманчивое впечатление, что общение и образование можно перевести на язык картинок, видео- и онлайн-игр, потому что мы живем в абсолютно новом, преобразованном цифровизацией мире и наш повседневный социальный опыт становится полностью иным. Действительно, во многих педагогических исследованиях доказано, что изображения и видеоматериалы, подобранные по теме, освежают уроки, и это может послужить методике. Однако визуальность – это отнюдь не единственный ресурс для современных эффективных методических решений, поскольку иногда в педагогике может оказывать ярко выраженный «побочный эффект». Фокус внимания на зримости создает некий ментальный перекося, перцептивный сдвиг, ослабляет восприимчивость к другим источникам информации: звуку, движению, ориентации во времени (личном, историческом) и пространстве (физическом или культурном), дезориентируя человека. У новых поколений этот перцептивный сдвиг будет серьезным барьером для живого общения и общения с искусством как коллективным человеческим опытом – интеллектуального общения, и методике необходимо сбалансировать процессы умственного, психического, духовного развития учащихся в современных условиях. Исходя из актуального культурного запроса, в данной статье мы предлагаем вектор развития альтернативных образовательных моделей переместить в пространство другого типа чувственности, чтобы смягчить естественно образующуюся в цифровой среде визуалоцентричность и восстановить гармонию между разными типами восприятия, что прямо влияет на когнитивные основы чтения, и сделать акцент на выходе из виртуального мира в реальный.

Ключевые слова: цифровая повседневность, среда восприятия и контекст понимания, мелодика и гармоническое богатство звучащей речи, авторский речевой стиль, восприятие художественного слова, эмоциональный резонанс урока, смысловое единство текста

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Панченко Д.В. Некоторые рецептивные модели в условиях визуальности: от изображения к звучащему слову // Литература в школе. 2023. № 1. С. 111–121. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-111-121

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-111-121

D.V. Panchenko

Volgograd State Medical University,
Volgograd, 400131, Russian Federation

Some receptive models under visual conditions: From image to a spoken word

Abstract. The idea of the development of visual communications of the Internet sometimes creates a misleading impression that communication and education can be translated into the language of pictures, videos and online games because we live in a completely new digitalized world and our everyday social experience is becoming completely different. Indeed, it has been proven in many pedagogical studies that theme-based images and videos refresh lessons, and this can serve as a methodology. However, visibility is by no means the only resource for modern effective methodological solutions, since sometimes it can have a pronounced “side effect” in education. The focus of attention on visibility creates a certain mental bias, a perceptual shift, weakens the susceptibility to other sources of information: sound, movement, orientation in time (personal, historical) and space (physical or cultural), disorienting a person. For new generations, this perceptual shift will be a serious barrier to live communication and communication with art as a collective human experience – intellectual communication – and the methodology, thus, needs to balance the processes of mental, psychological, spiritual development of students in modern conditions. Based on the current cultural request, in this article we suggest the vector of development of alternative educational models should be moved to a space of a different type of sensibility in order to soften the visual-centricity naturally formed in the digital environment and restore harmony between different types of perception, which directly affects the cognitive foundations of reading, and to emphasize the way out of the virtual world into the real one.

Key words: digital everyday life, environment of perception and context of understanding, melody and harmonic richness of sounding speech, the author's speech style, perception of a literary word, emotional resonance of a lesson, the semantic unity of a text

CITATION: Panchenko D.V. Some receptive models under visual conditions: From image to a spoken word. *Literature at School*. 2023. No. 1. Pp. 111–121. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-111-121

По наблюдениям философов, психологов и культурологов, на духовный мир человека конца XX – начала XXI вв. особенно значительно влияют ценности визуальной культуры. В нашей цифровой повседневности появились такие формы общения, передачи опыта, впечатлений, знаний, обязательное свойство которых – зрительная привлекательность и доступность поглощения информации на очень быстрой скорости, что обеспечивается именно визуальными средствами. «Визуальные сообщения сжимают сложные проблемы в один образ, добавляя уровень иронии с прямой целью дубликации и распространения, схватываемого за долю секунды сообщения, после чего мы пролистываем этот образ» [8, с. 49]. Однако это, если входит в постоянную практику, формирует способ взаимодействия с реальным и знаковым миром, эстетизирующий поверхностность и шаблонность в отношении к познанию, создавая непреодолимый барьер для понимания глубины и красоты смыслов, наполняющих многие явления жизни, в том числе язык или произведения словесного творчества.

Педагоги, вынужденные молниеносно реагировать на вызовы визуальности и принимая факт измененного способа восприятия мира, пытаются говорить с учащимися на языке времени, обращаясь к различным видам наглядности, сетевого визуального взаимодействия, использовать зримость кино, иллюстраций социаль-

ных сетей для привлечения внимания к учебному предмету. Однако визуальность – это отнюдь не единственный фактор, обосновывающий принятие актуальных и по-настоящему эффективных методических решений. «Никакие радикальные перемены невозможны, если мы не перекодируем наше отношение с технологиями, если не перестанем быть простыми пользователями и потребителями контента» [Там же, с. 8].

В своей известной работе «Галактика Гутенберга» М. Маклюэн осмыслил феномен смены технологических систем, который качественно преобразует соотношение чувств человека: «Если технология, независимо от того, появляется ли она изнутри или извне культуры, *выводит на передний план какое-либо из чувств*, меняется *соотношение между всеми нашими чувствами*. Мы начинаем видеть, слышать и чувствовать по-новому» [9].

Возможно ли сейчас точно назвать последствия социальных, культурных трансформаций и предугадать логику ответных психических реакций на все происходящие изменения? Скорее всего, нет: для этого необходима временная дистанция, непредвзятый взгляд со стороны. «Интернет – планетарная инфраструктура, которая достигла такой степени проникновения, что ее функции как интерфейса повседневности все труднее адекватно осмыслять» [8, с. 8]. Однако мы можем обратить внимание на некоторые значимые закономерности.

Например, психологами установлено, если интенсивность какого-либо чувства возрастает, оно начинает подавлять все другие чувства, действуя на них как анестетик. Интересный опыт проводился в стоматологии: чтобы снизить тактильную чувствительность и ослабить зубную боль, включали резкий назойливый звук, и чувство боли значительно снижалось или совсем исчезало. Этот же принцип положен в основу гипноза: *обособляется только одно из чувств*, вследствие чего человек впадает в транс. «Бесписьменный человек племенного строя, ключевая роль в организации опыта которого принадлежит слуху, постоянно находится, можно сказать, в состоянии транса» [9].

При выделении и усилении зрительной восприимчивости, что сейчас фиксируется исследователями, происходит разрыв между другими чувствами и ослабление, оттеснение, подавление их активности. Вот почему можно говорить об утрате объемности восприятия реальности и слова в чувственной и духовной полноте, предполагая, что современные люди впадают в так называемый «визуальный транс». Фокусировка внимания исключительно на наглядности, зримости при быстрой смене изображений ослабляет чувствительность к звучанию, движению, переживанию времени и пространства. М. Маклюэн с опасением пишет о появлении таких перцептивных паттернов, которые складывались в практиках людей на протяжении долгого времени, оставляя глубокий отпечаток в ментальном опыте целых поколений: «Именно наше колоссальное наследие письменной и механической технологий делает нас такими беспомощ-

ными и неспособными справиться с новой электрической технологией» [Там же].

Возможно, современные, альтернативные образовательные модели должны быть связаны не с сохранением методического акцента на визуальности, а с перемещением в пространство другого типа чувственности, чтобы смягчить естественно образующийся в цифровой среде перцептивный сдвиг в сторону зрения и восстановить гармонию человеческих чувств и духовных переживаний?

В качестве полезной основы для рассуждений можно учесть, что образцы восприятия не даются от рождения, а формируются в процессе воспитания, причем в разных культурах и разных эпохах они формируются разными. В западной культуре дети растут в среде абстракций и визуальности, а, например, ребенок азиатской культуры живет в скрытом, магическом мире звучащего устного слова. «Так, например, китайскую культуру отличает гораздо большая тонкость и восприимчивость, по сравнению с западной. И тем не менее это – племенная культура, культура уха. <...> ...Мир уха – это горячий гиперэстетический мир, а мир глаза – относительно прохладный и нейтральный» [Там же].

М. Маклюэн выдвигает гипотезу, которая объясняет, как на протяжении нескольких веков изменялось отношение к слову и что могло стать причиной потери активного интереса к словесным искусствам в XX в.: распространение печати в Европе привело не к развитию представления в обществе о слове как о живой, звучащей, активной, природной силе, а к представлению о нем просто как о носителе значения, выражения смысла, понимаемого сознанием.

Глобальные процессы изменить невозможно, однако данное противоречие отчасти локально снимается в специально созданной образовательной среде. Например, изучение литературы как искусства способно гармонизировать разные типы восприятия слова, создавая баланс между смыслом и живым звуком, одухотворением произносимого. В системе преподавания эта гармония давно отмечена классиками методики. Как писала М.А. Рыбникова, «наша первая *“наглядность”* – это выразительное слово» [12]. К тому же, следуя гипотезам специалистов по развитию культуры, следующим витком истории человеческих предпочтений не без основания может быть звук. «Новая физика – это пространство слуха» [8], что, кстати, отчетливо прослеживается в культурном запросе нынешнего времени. Большое количество слушателей собирают научно-популярные онлайн- и офлайн-лекции, вебинары, проекты блогеров, подкасты в социальных сетях, аудиокниги, концерты с чтением стихов. Живое слово также востребовано в медиа и образовании.

Разумеется, произведения словесного искусства мы познаем через посредников, визуальные страницы текста, но и, безусловно, через слушание. Со звучащим резонирующим словом в мир каждого человека в раннем детстве входят первые литературные произведения, как когда-то и для всего человечества литература родилась именно в звуке, в звучащем устном творчестве. Представители школы диалога М. Бубер и Ф. Розенцвейг вместе переводили Ветхий Завет с арамейского на немецкий язык, для того чтобы современный читатель Библии стал слушателем: «Библию следует не читать, а слу-

шать, как будто ее голос звучит сегодня» [7, с. 6].

Возможно, читателю нашего времени, активному пользователю Интернета, необходимо быть и зрителем, и читателем, и слушателем, для того чтобы гармонично развиваться, согласно классической формуле М.А. Рыбниковой: «обучение должно быть воздействующим на различные стороны восприятия учащихся?» [12]. Да и при сугубо биологическом подходе природа человеческого мозга требует разнообразия получаемых впечатлений: «...секрет способностей мозга заключается большей частью в том, что он создает колоссальные возможности для взаимодействия всех участков, получающих внешние стимулы. Именно благодаря этой способности создавать такие места взаимодействия, или микширования, мы можем реагировать на мир как на целое в значительно большей степени, чем это делают животные» [9].

О проблеме и объективной потребности создания точек взаимодействия во внешней среде, чтобы учащимися был ощутим опыт личного переживания, сказано и в отечественной методике. По мнению В.Ф. Чертова, «в последние годы мало стали писать об эмоциональном резонансе урока, о том потрясении, положительном эмоциональном опыте, который может и должен приобретаться в школьные годы» [15, с. 37]. И этот опыт, разумеется, может быть полноценно реализован в устной речи, уникальной и неповторимой.

Звучание создает динамический процесс, делая текст живым, вовлекая слушателей в атмосферу эмоционального отклика, эмоционального ответа, когда литературное произведение переживается в ритме, голосе,

духе, а затем и понять, запечатлеть его в своем эстетическом опыте. Для этого, возможно, необходимо и самостоятельно учиться умению управлять звучанием слова и фразы, выражать внутреннее эмоциональное состояние. Так может быть решен сложный вопрос учебной мотивации: произносящий речь, читающий лирическое произведение вслед за учителем не может остаться равнодушным; он, следуя закону эмпатии, выразит ответную реакцию, «окрасит» своим индивидуальным речевым стилем, темпераментом, сделает фразу живой, когда будет придавать ей звуковую форму. «Произведения искусства выводят человеческую психику из состояния безразличия и заставляют человека возвыситься над собой» [11, с. 335]. Стать участником создания в звуке, например, поэтического произведения – это путь самореализации и самовыражения. Для этих целей некоторые приемы риторики «...можно использовать не только в ораторской речи, но также и в художественной, причем использовать не только для того, чтобы сделать речь красивой, но и осмысленной, и глубокой» [3, с. 4].

Переходя к теме устного звучащего слова в образовательном контексте, скажем, что в методике преподавания литературы накоплен колоссальный опыт. Разработаны приемы работы над выразительным чтением, которое высоко ценил В.В. Голубков: «Стояла суровая зима, мороз доходил до 40 градусов. Учитель Александр Иванович сказал: “Занятий сегодня не будет, но раз вы пришли, я вам прочитаю рассказ. Слушайте!” И он начал: “Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин...”». Со мной произошло своего

рода чудо. Я видел перед собой горное ущелье и Жилина верхом на лошади, окровавленного, с закрученными назад руками. Он бежит с Костылиным, не бросает его, обессиленного, в лесу, а тащит на себе и из-за этого вновь попадает в плен. Я – в отчаянии, когда Жилина бросают в глубокую яму, вместе с ним надеюсь только на Дину. Волнуюсь за него и радуюсь его удаче» [4, с. 265–266].

В отечественной методике сложилась традиция обучения выразительному чтению с опорой на достижения в области театральной педагогики и современных технологий [18, с. 36], которая не всегда учитывается в современном образовании (в частности, в системе подготовки учителей-словесников, которая всегда включала практические занятия по дисциплине «Выразительное чтение»).

Иногда в цифровой культуре наше звучащее слово становится плоским и чуждым. И речь идет не о какой-то особенной красоте и выразительности, а о *ясности* выражения *смысла*, его оттенков, глубины. Причину можно найти в том, что зачастую журналисты, и особенно блогеры (люди без специального образования), транслируют некорректные фонетические и интонационные образцы, формирующие мелодику речи подрастающего поколения. Нередко люди, изучавшие в вузах иностранные языки (чаще всего английский), заучившие интонационные конструкции и затвердившие их до автоматизма, применяют по привычке эти же фонетические приемы при устном сообщении на русском языке. «И когда диктор или ведущий произносит подготовленный <...> текст на русском языке, у него непроизвольно высказывают затверженные английские

интонации, так как он обучен только одному виду подготовленной устной речи – английской» [2]. Состояние современной устной речи влияет на постижение смысла, лишает слово содержательности и глубины. «Надо сказать, что исправить этот порок устной речи дикторов и ведущих не очень просто, но можно: необходимо, с одной стороны, осознание ими английской интонации в своей речи на русском языке именно как ошибки (а ведь осознать ошибку надо еще и захотеть), с другой стороны, им надо учиться подготовленной устной речи на русском языке так же, как они учились английской речи, то есть используя образцовые записи и следуя им (и на это нужна добрая воля и к тому же немалое время и специальные пособия» [Там же].

Интонация играет большую роль в устной речи и влияет на восприятие художественного слова. При чтении она отражает состояние рассказчика, настроение, передает смысловые и эмоциональные различия фраз, указывает на законченность мысли, экспрессивность, выразительность, точность. И те, кто владеет ей как музыкальным инструментом, оживляет литературное произведение, как написанные на бумаге ноты. Ведь среда восприятия и контекст понимания – необходимые условия художественной рецепции. «Такого восприятия иногда вполне достаточно для создания особой атмосферы урока, или для подтверждения выдвинутого на уроке тезиса о своеобразии художественного мира поэта, или при подведении итогов работы над выразительным чтением произведения» [16, с. 8].

Иногда «эмоциональная речь (логическая выделенность слова;

изменение темпа, ритма, мелодики; паузирование) часто оказывается более эффективным, нежели логическая аргументация» [13, с. 70]. А привлечь и удержать внимание способны «...игра темпа и громкости голоса, вариативность тона и умело выдержанные паузы» [10, с. 114].

Под интонацией обычно понимают целый комплекс элементов, такие как мелодика, ритм, интенсивность, темп, тембр, громкость, логическое и фразовое ударение. Интонация может организовывать смысловое единство, воздействовать на слушателей, создавая область контакта, создать особый авторский стиль рассказчика, идентифицировать его и быть социокультурным маркером.

Интонация может содержать гамму тонов и полутонов – от самого высокого до самого низкого, являясь частью и искусства выразительного чтения, и искусства красноречия. «Мы бессознательно избегаем ее как выражение аффектации и тем самым наполовину обедняем наш родной язык, превращая его в одно монотонное жужжание или ворчание. Наша речь становится плоской и смазанной, поскольку слоги и целые слова сливаются вместе, что напоминает прозу без знаков препинания. Нам следовало бы научиться произносить так, чтоб каждый слог звучал, как полный аккорд!» [9].

Интонация – это речевой поступок. Она делает речь ярче, выразительней, неповторимее, она способствует пониманию, выполняя важную функцию смысловоразличения: по интонации в русском языке можно устно определить тип высказывания (повествование, вопрос, восклицание) и тонкости смысловых акцентов. Без интонации чтение стихотворений

значительно теряет в силе своего воздействия. Поэтому в поп-культуре появилась мода на декламацию стихов в стиле рэп или под музыкальное сопровождение, чтобы компенсировать средствами другого вида искусства акустическую (или даже художественную) неполноценность того, что произносят молодые авторы.

Однако у русской культуры есть свои образцовые голоса, с особым звучанием, гармоническим богатством, разными интонационными оттенками и полутонами. В качестве примера вспомним выступления Ираклия Андроникова: «Весь антураж концерта этим скромным оформлением заканчивался – никаких тебе ярких декораций, подсвеченных задников, прочей “мишуры” и даже рояля в кустах – Андроников выступал обычно без музыкального сопровождения. Ираклий Луарсабович решительно садился на стул и начинал говорить. Ни одной бумажки и подсказки при нем не было» [14]; «...Я раньше всего написал бы без всяких покушений на эксцентрики: Андроников Ираклий Луарсабович – колдун, чародей, чудотворец, кудесник... Мало того, что он точно передал голос писателя, колорит его речи, ее тембр, ее интонации, – он воспроизвел самую манеру его мышления. Преображаясь в того или иного из достопамятных и достославных современников наших, Андроников не только воскрешает его внешние признаки – его жесты, его походку, его голос, – нет, он воссоздает его внутренний мир...» [17].

Вспомним также голоса советских и российских ученых, актеров, представителей интеллигенции. Например, уникальную манеру бесед Антония Сурожского, его голос совести:

«В России некоторым слушателям и телезрителям так нравился стиль речи владыки, его старинные обороты хорошего русского языка, тембр голоса, что они просто слушали звучание речи, не вникая в смысл того, что он говорил. Люди сами в этом признавались. Но многие другие, их были тысячи, впитывали в себя каждое слово, произнесенное владыкой: люди жаждали услышать слова Евангелия, сказанные с такой убедительностью и ясностью» [5, с. 367].

Или еще один пример – заволаживающий раскатистый тембр Юрия Левитана, приковывающий внимание, дающий надежду и вдохновляющий к победе: «Много лет спустя после войны я выступал в Ленинграде. Как-то само собой случилось, что я прочел публике давнюю сводку Совинформбюро о прорыве блокады Ленинграда. Воспроизвел не только текст, но и нюансы той интонации, с которой читал эту же сводку тогда. И увидел, что многие в зале плакали, а у меня самого вдруг пошли по телу мурашки» [6, с. 62].

Если недавно мелодику звучащей речи формировали, в основном, дикторы на радио, тележурналисты, то сейчас это делают блогеры, не осознавая своей ответственности перед сохранением и развитием языка. Современные школьники не слушают радио, не смотрят телевизор, нечасто посещают спектакли, они слышат речь в семье и школе, но приоритетным образцом является для них, конечно же, речь любимого блогера, который представляется примером для подражания.

«Слова могут входить в нашу речь из индивидуальных чужих высказываний, сохраняя при этом в большей или меньшей степени тона и отзвуки

этих индивидуальных высказываний» [1, с. 282], – утверждал М.М. Бахтин, а далее продолжал: «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях ...индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями» [Там же, с. 283].

Возможно, сейчас трудно зафиксировать все изменения, которые происходят с произносимыми текстами

в медиапространстве, но уже скоро живую звучащую речь ждут большие трансформации, которые, возможно, станут новым вызовом. Поэтому работа над устным словом как ярким, эмоциональным выразителем художественного смысла – задача настоящего момента, потому что можно признать тот факт, что блогинг будет развиваться, все больше непрофессионалов получают доступ к широкому распространению видео-, аудиотекстов. Речь должна быть подготовленной к такой важной роли и транслировать правильные, четко отработанные образцы.

Таким образом, потенциал воздействия устного слова огромен, а духовная потребность в нем в данный момент исторического времени очевидна. Однако все обозначенные проблемные вопросы, разумеется, требуют дальнейшего рассмотрения и углубленного изучения для того, чтобы найти баланс между чувственностью и одухотворенностью и установить гармонию в восприятии непотворимого русского слова.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.
2. Воронников Ю.Л. О некоторых особенностях языка средств массовой информации // Грамота. 2007. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/ruspress/28_606?ysclid=ldfwyxp17679135778 (дата обращения: 27.10.2021).
3. Гливенкова О.А. Способы организации риторического пространства в монологах героев художественной прозы: дис. ... канд. фил. наук. Краснодар, 2002.
4. Голубков В.В. «Кавказский пленник» в начальной школе // Л.Н. Толстой в школе: сб. ст. / сост. В.Н. Тростников; под ред. В.В. Голубкова и С.М. Петрова. М., 1965.
5. Кроу Д. Этот бесценный человек... Воспоминания о митрополите Антонии. М., 2021.
6. Левитан Ю. Говорит Москва // Юность. 1966. № 12. С. 62–63.
7. Лифинцева Т.П. Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999.
8. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М., 2019.
9. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2003.
10. Ножин Е.А. Логика рассуждения и логика изложения в организации текста (на материале ораторской речи) / под. ред. Т.М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
11. Пигалев А.И. Культурология: учебник для студентов вузов. Волгоград, 2008.
12. Рыбникова М.А. Очерки по методике литературного чтения. 3-е изд. М., 1963.

13. Стернин И.А. Практическая риторика. М., 2005.
14. Столярова И. Ираклий Андроников: человек-оркестр // Орфей. 2020. URL: <https://orpheusradio.ru/news/stories/2827/irakliy-andronikov> (дата обращения: 19.10.2021).
15. Чертов В.Ф. Российский учитель-словесник в условиях модернизации образования // Преподаватель XXI век. 2012. № 3-1. С. 29–38.
16. Чертов В.Ф. Художественная информация в современном мире и уроки литературы // Проблемы изучения литературы в современном информационно-образовательном пространстве. XXII Голубковские чтения: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 21–22 марта 2014 г. М., 2015. С. 5–10.
17. Чуковский К.И. Андроников «Рассказы литературоведа». М., 1973.
18. Шелестова З.А. Основные направления в развитии методики обучения школьников выразительному чтению на уроках литературы // Наука и школа. 2015. № 2. С. 33–37.

References

1. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorчества* [Aesthetics of verbal creativity]. 2 ed. Moscow, 1986.
2. Vorotnikov Y.L. On some features of the language of the mass media. *Gramota*. 2007. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/ruspress/28_606?ysclid=ldfxyxp17679135778 (In Rus.)
3. Glivenkova O.A. *Sposoby organizatsii ritoricheskogo prostranstva v monologakh geroev khudozhestvennoy prozy* [Methods of organizing rhetorical space in the monologues of heroes of fiction]. PhD Diss. Krasnodar, 2002.
4. Golubkov V.V. “Prisoner of the Caucasus” in elementary school. *L.N. Tolstoy v shkole*. V.N. Trostnikov (compl.); V.V. Golubkov, S.M. Petrov (eds.). Moscow, 1965. (In Rus.)
5. Crowe D. *Etot bestsennyi chelovek... Vospominaniya o mitropolite Antonii* [This priceless man... Memoirs of Metropolitan Anthony]. Moscow, 2021.
6. Levitan Yu. Moscow speaks. *Yunost*. 1966. No. 12. Pp. 62–63. (In Rus.)
7. Lifintseva T.P. *Filosofiya dialoga Martina Bubera* [Martin Buber’s philosophy of dialogue]. Moscow, 1999.
8. Lovink G. *Kriticheskaya teoriya interneta* [Critical theory of the Internet]. Moscow, 2019.
9. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: Sotvoreniye cheloveka pechatnoy kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: The creation of the man of printed culture]. Kiev, 2003.
10. Nozhin E.A. The logic of reasoning and the logic of presentation in the organization of the text (on the material of public speaking). T.M. Dridze (ed.). *Smyslovoye vospriyatiye rechevogo soobshcheniya*. Moscow, 1976. (In Rus.)
11. Pigalev A.I. *Kulturologiya* [Culturology]. Textbook for students of universities. Volgograd, 2008.
12. Rybnikova M.A. *Ocherki po metodike literaturnogo chteniya* [Essays on the method of literary reading]. 3 ed. Moscow, 1963.
13. Sternin I.A. *Prakticheskaya ritorika* [Practical rhetoric]. Moscow, 2005.
14. Stolyarova I. *Irakliy Andronikov: Man-orchestra. Orpheus*. 2020. URL: <https://orpheusradio.ru/news/stories/2827/irakliy-andronikov> (In Rus.)
15. Chertov V.F. Russian language teacher in the conditions of modernization of education. *Prepodavatel XXI vek*. 2012. No. 3-1. Pp. 29–38. (In Rus.)
16. Chertov V.F. Art information in the modern world and literature lessons. *Problemy izucheniya literatury v sovremennom informatsionno-obrazovatel'nom prostranstve. XXII Golubkovskie chteniya: Materialy mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 21–22 marta 2014 goda*. Moscow, 2015. Pp. 5–10. (In Rus.)
17. Chukovsky K.I. *Andronikov «Rasskazy literaturoveda»* [Andronikov “Stories of a literary critic”]. Moscow, 1973.
18. Shelestova Z.A. The main directions in the development of methods for teaching expressive reading to schoolchildren at literature lessons. *Science and School*. 2015. No. 2. Pp. 33–37. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 30.12.2022, принята к публикации 25.01.2023
The article was received on 30.12.2022, accepted for publication 25.01.2023

Сведения об авторе / About the author

Панченко Дарья Владимировна – кандидат педагогических наук; доцент кафедры русского языка и социально-культурной адаптации Института общественного здоровья, Волгоградский государственный медицинский университет

Daria V. Panchenko – PhD in Education; assistant professor at the Department of the Russian Language and Socio-Cultural Integration, Volgograd State Medical University

E-mail: daria-vspu@mail.ru